

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Предсказатель монахъ Авель

въ 1812 — 1826 гг.

Читатели «Русской Старины» вѣроятно обратили вниманіе на своеобразную, весьма типическую личность монаха Авеля, представшаго на страницахъ нашего изданія, съ описаніемъ своего хожденія по мѣстамъ, т. е. по тюрьмамъ и затворамъ монастырскимъ. (См. «Рус. Ст.», т. XII, стр. 414—435). Переписка его съ графиней Потемкиной въ 1814 — 1816 годахъ, если и выставляетъ на видъ нѣкоторыя житейскія невзгоды, его посѣтившія, все-таки показываетъ, что отецъ Авель нашелъ въ мѣрѣ значительный достатокъ и вполне обеспеченное положеніе. Нынѣ помѣщаемая статья показываетъ, что западъ дней Авеля омрачился страшною для него грозою. Двадцать одинъ годъ проведя въ тюрьмахъ, онъ вновь попалъ въ тяжелое заточеніе.

Прежде, однако, чѣмъ сообщить новыя свѣдѣнія объ этомъ предсказателѣ, считаемъ не лишнимъ привести слѣдующую замѣтку о немъ изъ записокъ современника Авеля—Л. Н. Энгельгардта.

«Въ Соловецкомъ монастырѣ былъ монахъ Авель, предсказавшій смерть императрицѣ Екатеринѣ и потомъ императору Павлу, со всѣми обстоятельствами краткаго его царствованія. За годъ до смерти императрицы, сей Авель, пришедъ къ настоятелю того монастыря, требовалъ, чтобы довести до свѣдѣнія ея, что слышалъ онъ вдохновенно гласъ, который долженъ онъ былъ ей объявить лично. По многимъ отлагательствамъ и затрудненіямъ, наконецъ донесено было ей, и приказано было его представить: тогда онъ ей объявилъ, что слышалъ опъ гласъ, повелѣвшій ему объявить ей скорую кончину. Государыня приказала его заключить въ Петропавловскую крѣпость. По кончинѣ государыни, императоръ повелѣлъ, освободя его, представить къ нему; когда онъ ему предсказалъ, сколько продолжится его царствіе, государь въ ту же минуту приказалъ его опять заточить въ крѣпость. Смерть однако-жъ исполнилась въ назначенный срокъ. При вступленіи на престолъ Александра I онъ былъ освобожденъ. За годъ до нападенія французовъ, Авель представалъ предъ императоромъ и сказалъ, что французы вступятъ въ Россію, возьмутъ Москву и сожгутъ. Государь приказалъ его опять посадить въ крѣпость. По изгнаніи непріятелей онъ

былъ выпущенъ. Сей АVELЬ послѣ того былъ долго въ Троицко-Сергіевской лаврѣ и Москвѣ; многіе изъ мнѣхъ знакомыхъ его видѣли и съ нимъ говорили: онъ былъ человѣкъ простой, безъ малѣйшаго свѣдѣнія и угрюмый; многія барыни, почитая его святымъ, ѣздили къ нему, спрашивали о женихахъ ихъ дочерей; онъ имъ отвѣчалъ, что онъ не провидецъ, и что онъ тогда только предсказывалъ, когда вдохновенно было велѣно ему что говорить. Съ 1820 года уже болѣе никто не видѣлъ его и неизвѣстно куда онъ дѣвался.»¹⁾

Эта неизвѣстность разъясняется нижеслѣдующими документами.

Монахъ АVELЬ, именуя себя монахомъ Ставропигіальнаго Соловецкаго монастыря, въ сентябрѣ 1823 года, подалъ московскому архіепископу Филарету, впоследствии митрополиту, прошеніе объ опредѣленіи его. Авеля, въ Серпуховскій Высотскій монастырь. Пр. Филаретъ на прошеніи, 6-го того сентября, написалъ: „представить справку“. Консисторія представила, что еще при пр. Августинѣ (предмѣстникѣ пр. Филарета) было въ производствѣ дѣло о монахѣ Авелѣ, по отношенію министра духовныхъ дѣлъ, кн. А. Н. Голицына, отъ 2-го ноября 1817 г. По дѣлу сему значится, что 1) при упомянутомъ отношеніи министръ приложилъ справку по канцеляріи св. синода, что монахъ АVELЬ содержался въ Соловецкомъ монастырѣ; а въ 1812 г., ноября 17-го, онъ, кн. Голицынъ, какъ обер-прокуроръ синодальный, предложилъ синоду высочайшее повелѣніе „освободивъ его, Авеля, изъ-подъ стражи, принять въ число братства. Между тѣмъ, какъ АVELЬ имѣеть намѣреніе идти для поклоненія св. мощамъ въ разные города, то снабдить надлежащимъ паспортомъ для свободнаго пропуска, представляя также ему избрать для своего пребыванія монастырь, какой самъ пожелаетъ, и гдѣ будетъ принять, тамъ дозволить ему жить безпрепятственно“. О чемъ къ архимандриту Соловецкаго монастыря посланъ былъ указъ 3-го декабря того 1812 г. А 4-го апрѣля 1814 г. монахъ АVELЬ, объясняя прошеніемъ въ синодъ, что имѣеть желаніе идти въ Іерусалимъ, для поклоненія гробу Господню и святымъ мѣстамъ въ намѣреніи, ежели будетъ возможно, остаться тамъ навсегда, и приложивъ въ копіи данный ему во исполненіи указа св. синода, отъ намѣстника Соловецкаго монастыря паспортъ на свободное, гдѣ пожелаетъ, пребываніе, просилъ о снабженіи его, на случай отбытія въ Іерусалимъ, надлежащимъ видомъ; вслѣдствіе чего и, по предварительному сношенію съ министерствомъ полиціи, Авелю выданъ паспортъ съ роспискою. О томъ, чтобы сей монахъ произведенъ былъ въ іеромонахи, свѣдѣній нѣтъ. 2) Въ показанномъ отношеніи отъ 2-го ноября 1817 г. кн. Голицынъ сообщалъ пр. Августину, что монахъ АVELЬ, по случаю потери даннаго ему паспорта, просилъ его,

¹⁾ Записки Энгельгардта, изд. 1868 г. Москва, стр. 217—218.

министра, о снабженіи его, Авеля, новымъ, для свободнаго здѣсь, въ Москвѣ или въ иномъ городѣ, пребыванія, также и о содѣйствіи къ водворенію его, Авеля, въ Шереметевскомъ страннопріимномъ домѣ.¹⁾ Онъ, министръ, довелъ о семъ до свѣдѣнія государя. Государь, находя неприличнымъ, чтобы монахъ Авель, толь много странствовавшій, еще продолжалъ скитаться по Россіи, и не имѣлъ постояннаго пребыванія въ монастырѣ, высочайше повелѣтъ ему, министру, соизволил: объявить ему, Авелю, чтобы избралъ непременно монастырь, и, если настоятель согласится на принятіе его, то и водворился бы въ томъ монастырѣ. Объявивъ о семъ Авелю, съ предложеніемъ и самого монастыря, именно Пѣшношскаго (въ Дмитровскомъ уѣздѣ), поручалъ преосвященному внушить Авелю съ своей стороны, о несовмѣстности монаху жить въ частномъ домѣ, и предложилъ бы ему водвориться въ монастырѣ, о которомъ упомянуто, или въ иной какой-либо обители. Если же онъ не изъявитъ желанія поступить въ монастырь московской епархіи, то предложить синодальной конторѣ снабдить его, Авеля, паспортомъ для свободнаго пропуска въ другіе города, чтобы онъ, согласно высочайшей волѣ, объявленной св. синоду 17-го ноября 1812 г., избралъ для своего пребыванія монастырь, и гдѣ будетъ принять, тамъ и водвориться ему. 3) Отношеніе это сдано было въ консисторію уже по смерти пр. Августина (умеръ 1819 г., марта 3-го) съ отмѣткою Малиновскаго, секретаря преосвященнаго, что монахъ Авель къ пр. Августину явился 6-го ноября 1818 г. и чрезъ два дни хотѣлъ прибыть, чтобы, получивъ благословеніе и предписаніе къ строителю Пѣшношскому, отправиться на житье въ Пѣшношу; но съ того времени не являлся и изъ Москвы скрылся. 4) Выѣстъ съ тѣмъ при дѣлѣ сдано въ консисторію показаніе Николоявленской въ Москвѣ церкви, священника Михаила Лаврентьева,²⁾ данное имъ 23-го декабря 1818 г., что въ сентябрѣ того 1818 года (котораго числа не припомнить), какъ онъ, Лаврентьевъ, шелъ къ малой вечернѣ, попался близъ дома его, священника, монахъ Авель, съ которымъ вступилъ въ разговоръ слѣдующаго содержания: „здоровы-ли вы, о. Авель; какая тому причина, что васъ такъ давно въ Москвѣ не видно: гдѣ вы до сихъ поръ были; и справедливъ-ли тотъ непріятный слухъ, который объ васъ прошелъ между нами?“ На сіе Авель отвѣчалъ, что живетъ благополучно, что до

¹⁾ Доминѣ въ Москвѣ при Шереметевской больницѣ богадѣльня мужская и женская.

²⁾ Впослѣдствіи настоятель Московскаго Богоявленскаго монастыря и членъ московской консисторіи, архим. Митрофанъ. Умеръ 1850 г., ноября 19-го.

сихъ поръ находился въ г. Орлѣ, и что прежде того, въ бытность г. министра духовныхъ дѣлъ вн. А. Н. Голицына въ Москвѣ, былъ представленъ къ нему, и имѣлъ съ нимъ разговоръ касательно его, Авеля, обстоятельствъ. Послѣ сего, прощаясь съ нимъ, священникомъ, АVELЬ сказалъ, что идетъ въ домъ прихожанина его, ст. сов. Петра Алексѣевича Верещагина, откуда обѣщался придти въ Николаевскую церковь ко всенощной, однако не приходилъ; а подлинно-ль былъ въ домѣ г. Верещагина—о томъ не знаетъ. Пр. Филаретъ, на представленной изъ консисторіи справкѣ, 6-го октября 1823 г., написалъ: „Монаха Авеля въ Высотскій монастырь опредѣлить“. О семъ 24-го того же октября данъ указъ изъ консисторіи архимандриту Высотскаго монастыря Амвросію.

По опредѣленіи монаха Авеля въ Высотскій монастырь, въ послужномъ его спискѣ за 1823 г. значилось, что монахъ АVELЬ изъ крестьянъ, 65-ти лѣтъ; въ монашество постриженъ въ Лаврскомъ Александро-Невскомъ монастырѣ въ 1797 г.; изъ онаго переведенъ былъ въ Ставропигіальный Соловецкій монастырь въ 1801 году; а въ оный Высотскій монастырь опредѣленъ 1823 г., октября 24-го дня; обученъ российской грамотѣ читать, пѣть и писать; въ штрафахъ не былъ.

Въ 1826 г., іюня 21-го, архим. Высотскаго монастыря Амвросій,¹⁾ донесъ митр. Филарету, что монахъ АVELЬ, забравши всѣ свои пожитки, 3-го іюня самовольно изъ монастыря отлучился неизвестно куда, и не является. Въ дополненіе къ тому архим. Амвросій 30-го іюля доносилъ, что монахъ АVELЬ находится въ Тульской губерніи, близъ Соломенныхъ заводовъ, въ деревнѣ Акуловой, и при донесеніи представилъ копію съ двухъ писемъ Авеля слѣдующаго содержанія:

„Милостивая государыня Анна Тихоновна. Желаю вамъ и всему вашему семейству всякаго благополучія, какъ тѣлеснаго, такъ и душевнаго. Я, отецъ АVELЬ, нынѣ нахожусь въ Соломенныхъ заводахъ, въ деревнѣ Акуловкѣ, отъ завода семь верстъ, проѣхачи заводъ налѣво. Ежели угодно вамъ ко мнѣ пріѣхать, тогда я вамъ всю исторію скажу, что мнѣ случилось въ Высотскомъ монастырѣ, и прочая таковая и прочая. Ежели есть ко мнѣ изъ Москвы или откуда-нибудь письма, то бы Карла Ивановичъ прислалъ ко мнѣ чрезъ заводскихъ ямщиковъ въ деревню Акулово; а я здѣсь намѣренъ прожить за болѣзнію отъ іюня одинъ годъ и прочая. А ежели вамъ ко мнѣ случая не будетъ пріѣхать, то хотя напишите что-нибудь, въ чемъ и остаюсь всенижайшій отецъ АVELЬ.

„Заводы отъ Серпухова 30 верстъ и спросить деревню Акулово“.

1826 года, іюля 20-го числа.

¹⁾ Умеръ 1827 г., іюня 10-го.

„Духовному моему отцу Доримедонту, всякое здравіе и спасеніе, и прошу вашихъ святыхъ молитвъ. Я, отецъ Авель, писалъ своему господину Нарышкину, Дмитрію Львовичу, какъ меня Высотскій отецъ адхимандритъ ложнымъ указомъ хотѣлъ послать въ Петербургъ къ новому государю. Нарышкинъ же доложилъ о томъ его величеству Николаю Павловичу, и сказавъ ему всю исторію отца Авеля, какъ его сажали въ тюрьму черные попы и былъ онъ отъ нихъ въ трехъ крѣпостяхъ и въ шести тюрьмахъ, содержался всего времени двадцать одинъ годъ; государь же, его величество, приказалъ отцу Авелю отдалиться отъ черныхъ поповъ и жить ему въ мірскихъ селеніяхъ, гдѣ онъ пожелаетъ. Нарышкинъ же отобралъ царскія сіи слова и отписалъ отцу Авелю, и предложилъ еще подать просьбу въ синодъ и взыскать отцу Авелю штрафу съ высотскаго начальнива тысячу рублей за ложное злословіе, якобы отца Авеля приказано въ Петербургъ прислать и проч.“

„Въ чемъ и остаюсь всенижайшій монахъ Авель“.

1826 года, іюля 20-го дня.

Въ томъ же 1826 г., отъ 27-го августа, на имя митр. Филарета послѣдовалъ указъ свят. синода, съ объясненіемъ, что синодальный обер-прокуроръ кн. Петръ Сегѣвичъ Мещерскій, согласно отношенію его, митрополита, докладывалъ государю Николаю Павловичу объ оставленіи монахомъ Авелемъ опредѣленнаго ему въ Серпуховскомъ Высотскомъ монастырѣ пребыванія и объ оказавшихся двухъ письмахъ, изъ коихъ видно, что онъ, монахъ, находится въ 30-ти верстахъ отъ Серпухова, въ Тульской губерніи, и государь, по прочтеніи бумагъ, повелѣлъ, чтобы монахъ Авель былъ заточенъ для смиренія въ Суздальскій Спасо-Ефиміевъ монастырь. Посему св. синодъ, для скорѣйшаго и удобнѣйшаго отысканія монаха Авеля, тульской епархіи, въ деревнѣ Акуловой, предоставилъ синодальному обер-прокурору сдѣлать сношеніе съ свѣтскимъ начальствомъ, которому и отправить Авеля въ владимірскую консисторію для помѣщенія въ Спасо-Ефиміевъ монастырь. Тѣмъ и закончились скитанія о. Авеля.

Сообщ. Н. П. Розановъ.

Примѣчаніе. Необходимо напомнить, что Спасо-Ефиміевъ монастырь въ городѣ Суздали не столько обитель для отказавшихся отъ міра подвижниковъ, сколько острогъ для заточенныхъ въ него духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Въ монастырѣ (по крайней мѣрѣ еще въ 1860 г., когда пишущій эти строки постигъ его) стоитъ особая команда; от. архимандритъ—комендантъ, которому часоме отдають честь и который строго блюдетъ заточенныхъ по узникамъ и ираннымъ затворамъ. Въ этомъ же монастырѣ были заключены на время нѣкоторые декабристы (Бобринцевъ—Пушкинъ, кн. Шаховской), а позднѣе сюда запирали раскольниковъ архіереевъ.

Ред.

Ш и р я й.

Жилъ нѣкогда въ Малороссіи д. ст. совѣт. Ширий, помѣщикъ очень значительнаго состоянія, губ. предводитель Полтавской и потомъ Черниговской губерніи. Человѣкъ очень умный, но большой оригиналь, онъ давалъ роскошныя балы и обѣды, на которые являлся въ нанковомъ сюртучкѣ, съ Анненскою звѣздой, — имѣлъ особенное удовольствие быть въ ссорѣ со всѣми малороссійскими генерал-губернаторами, и замѣчать всѣ промахи ихъ управленія; они боялись страшно его сарказмовъ, передаваемыхъ тотчасъ въ Петербургъ въ смѣшномъ видѣ землякамъ его, Трощинскому и Кочубею. При воцареніи императора Павла, онъ написалъ къ нему письмо, гдѣ изобразилъ ему неспособность и нецѣльность управленія Малороссіей назначаемыми генерал-губернаторами, и потому самъ предлагалъ себя генерал-губернаторомъ, какъ совершенно знающимъ народъ малороссійскій.

Императоръ Павелъ, получивъ это письмо, отвѣчалъ ему собственноручно слѣдующее:

„Господинъ ст. сов. Ширий! Достиженіе въ имперіи высшихъ почестей позволительно всякому; желаніе ваше, быть малороссійскимъ генерал-губернаторомъ похвально; но для сего мало одного вашего желанія, необходима къ этому и моя воля, а я вамъ оной не позволяю. Павелъ“.

Примѣчаніе. При императорѣ Александрѣ I Ширий просилъ переименовать его въ генерал-майоры, что государь исполнилъ. Умеръ онъ въ 40-хъ годахъ 90-га лѣтъ. Приведенное письмо списано Г. В. Зайцевскимъ въ 1820-хъ годахъ съ подлинника, руки императора Павла, и съ согласія г. Зайцева сообщено на страницѣ «Русской Старины».

Орель.

Сообщ. А. В. Шереметевъ.

Письмо Д. В. Веневитинова къ С. А. Соболевскому.

С.-Петербургъ, 14-го декабря 1826 г.

Давно хотѣлъ я писать къ тебѣ, любезный мудрецъ эпикурейскій, и не забылъ, что обѣщалъ тебѣ описаніе-жизня бытъя Одоевского¹⁾, но ты уже знаешь, что я былъ боленъ и потому долго не могъ приглядѣться къ его семейной жизни. Посмотрѣлъ бы ты на него: онъ, какъ сыръ въ маслѣ, ласкаетъ жену какъ любовникъ, любезничаетъ

¹⁾ Князя Владиміра Федоровича, тогда женившася на Ольгѣ Степановнѣ, рожденной Ланской.

съ дамами какъ женихъ. Она женщина преселая и милая въ глазахъ каждаго; что ужъ должно быть въ глазахъ нашего чувствительнаго Одоевскаго? Придешь къ нимъ поутру; они сидятъ, какъ голубокъ съ голубкой, шутятъ и цѣлуются. Я смѣюсь; сцена довольно забавная. Придешь вечеромъ; она разливаетъ чай, онъ угощаетъ своихъ дамъ. Надобно замѣтить, что онъ въ большой милости у родни и по вечерамъ принимаетъ.

Сестра на тебя жалуется. Ты споришь противъ нея и противъ К. Вол.¹⁾ о стихахъ Муравьева; она прислала мнѣ эти стихи, и я хстѣлъ, чтобъ она были хороши для того, чтобы побранить тебя. Что дѣлаетъ нашъ журналъ?²⁾ Я надѣюсь, что ты—изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ: а именно, понукаешь Погодина впередъ, ругаешь Полеваго, выжимаешь изъ Шевырева статьи и выкидываешь тернія и зелия недостойная изъ нашего цвѣтущаго сада. Если ты хорошо вникнулъ въ роль свою, то ты увидѣлъ, что она не противорѣчитъ твоей гордой и солидной осанкѣ. Ты долженъ быть крѣпкій цементъ, связующій камни сего новаго зданія; отъ тебя много зависитъ его прочность. Попугай Пушкина, надобно, чтобы въ каждомъ номерѣ было его имя, подписанное хоть подъ немногими строчками. Скажу тебѣ искренно, что здѣсь отъ этого журнала много ожидаютъ; самъ Пушкинъ писалъ сюда о немъ. Скажи нашимъ, чтобы они не падали Булгарина, Воейкова и прочихъ. Истинные литераторы за насъ.

Дельвигъ также поможетъ и Крыловъ не откажется отъ участія. Принимайтесь только за дѣло единодушно, и оно покатится. Если я буду доволенъ вашими двумя первыми номерами, то вы позавтракаете такимъ стльтономъ, какого ты отъ роду не ѣдалъ. Лучшаго трудно достать, но мнѣ обѣщали, и я пошлю тебѣ провизію въ гостинецъ, какъ скоро будетъ оказія. Прощай, мой другъ, мнѣ еще много надобно писать, а теперь уже второй часъ. Пиши ко мнѣ и помни Веневитинова.

Примѣчаніе. Копія съ этого письма, собственноручно снятая покойнымъ С. А. Соболевскимъ, была прислана мнѣ въ письмѣ ко мнѣ, помнится, въ 1863—64 гг.

Сообщ. А. П. Пятковскій.

¹⁾ Книгини Зинаиды Волконской.

А. П.

²⁾ «Московскій Вѣстникъ».

ПРОВОДЫ КНЯГИНИ МАРИИ ВОЛКОНСКОЙ.

1826 г.

I.

Вечеръ у княгини Зинаиды Волконской.

27-го декабря 1826 г.

Вчера провелъ я вечеръ, незабвенный для меня. Я видѣлъ во второй разъ и еще болѣе узналъ несчастную княгиню Марію Волконскую, коей мужъ сосланъ въ Сибирь и которая 6-го января сама отправляется въ путь, вслѣдъ за нимъ, вмѣстѣ съ Муравьевою.¹ Она нехороша собой, но глаза ея чрезвычайно много выражаютъ. Третьяго дня ей минуло двадцать лѣтъ; но такъ рано обреченная жертва кручины, эта интересная и вмѣстѣ могучая женщина—больше своего несчастія. Она его преодолѣла, выплакала; источникъ слезъ уже иссохъ въ ней. Она уже увѣрилась въ своей судьбѣ и, рѣшившись всегда носить ужасное бремя горести на сердцѣ, повидимому, успокоилась. Въ ней угадываешь, чувствуешь ея несчастіе, ибо она даже перестала и бороться съ нимъ. Она хранитъ его въ себѣ, какъ залогъ грядущаго. Помнить, что она мать, и рѣшилась спасти дочь свою, жертвуя сама собою. Прискорбно на нее смотрѣть и вмѣстѣ завидно. Есть блаженство и въ самомъ несчастіи! Она видитъ въ себѣ божество, ангела-хранителя и утѣшителя двухъ существъ, для которыхъ она теперь уже одна осталась, и все въ мірѣ! Для нихъ она, какъ Христосъ для людей, обрекла себя на жертву—славная жертва! Утѣшительная мысль для меня! Она теперь будетъ жить

¹) Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, генерал-маіоръ, сосланъ въ 1826 г. въ Сибирь, въ числѣ главнѣйшихъ участниковъ декабрьскаго дѣла. Въ 1856 г. возвращены ему дворянство и свобода. Умеръ въ своемъ имѣніи, въ селѣ Воронки, Черниговской губерніи, 25-го ноября 1865 г.; жена его Марія Николаевна, рожденная Раевская, дочь героя отечественной войны, умерла въ Москвѣ, въ 1863 г.

Ред.

въ мірѣ, созданномъ ею собою. Въ вдохновеніи своемъ, она сама избрала свою судьбу и безъ страха глядитъ въ будущее.

Она чрезвычайно любитъ музыку. Музыка одна только и можетъ согласоваться съ ея чувствами въ теперешнемъ ея положеніи. Когда въ часъ роковой всѣ надежды наши утрачены, когда коварная судьба поймала насъ въ ужасные свои ковы и прошедшее и настоящее блаженство однимъ ударомъ пресѣчены, когда воспоминаніе о немъ становится источникомъ слезъ объ его утратѣ: ибо легче сносить несчастія отъ рожденія, нежели въ лѣта зрѣлыя, когда мы уже постигаемъ свою участь, вполне сознаемъ ее и самихъ себя, быть лишеннымъ земнаго рая и съ веру блаженства быть ввергнутому въ бездну гибели, когда всѣ свѣтлыя, радужныя картины стерты для насъ въ будущемъ, и взоръ нашъ угадываетъ въ немъ одну только мрачную, безпредѣльную, однообразную пустыню, — тогда можетъ-ли нашъ умъ заниматься изъясненіемъ себѣ понятія, можетъ-ли фантазія представлять опредѣленные образы? Одно глубокое чувство меланхолии овладѣваетъ всѣмъ нашимъ существомъ. Оно неизъяснимо, оно таится отъ всѣхъ и тайно для насъ самихъ, но мы не хотимъ, чтобы оно въ насъ спало. Мы стараемся удерживать его, находимъ нѣкоторыя утѣшенія въ томъ, чтобы его возбуждать. Это въ природѣ нашей. И что же согласнѣе музыки можетъ раздаваться въ душѣ нашей, тогда какъ всѣ струны нашего сердца растроганы симъ чувствомъ и сливаются въ одинъ вѣчный звукъ печали?

Она, въ продолженіи цѣлаго вечера, все слушала, какъ пѣли, и когда одинъ отрывокъ былъ отпѣтъ, то она просила другого. До двѣнадцати часовъ ночи она не входила въ гостиную, потому что у К. З. (княгини Зинаиды Александровны Волконской) много было, но сидѣла въ другой комнатѣ за дверью, куда къ ней безпрестанно ходила хозяйка, думая о ней только и стараясь всячески ей угодить. Отрывокъ изъ „Agnes“ del Maestro Paër былъ пресѣченъ въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ несчастная дочь умоляетъ еще несчастнѣйшаго родителя о прощеніи своемъ. Невольное сближеніе злосчастія Агнесы или отца ея съ настоящимъ положеніемъ невидимо присутствующей родственницы своей отняло голосъ и силу у К. З., а бѣдная сестра ея по сердцу принуждена была выдти, ибо залилась слезами и не хотѣла, чтобы это примѣтили въ другой комнатѣ: ибо въ такомъ случаѣ всѣ бы ее окружили, а она страшится, чуждается свѣта, и это понятно. Остатокъ вечера былъ печалень. Легкомысленнымъ, безъ сомнѣнія, показался онъ скучнымъ, какъ ни старались прерывать глубокое, мрачное молчаніе, нѣкоторыми шутивными друзьями. Но человекъ съ чувствомъ, который хоть изрѣдка уже привыкъ обращаться

на самого себя и относить къ себѣ все, что его ни окружаетъ, необходимо долженъ былъ думать, много думать. Я желалъ въ то время, чтобы всѣ добрые стали счастливыми, а собственное впечатлѣніе сего вечера старался я увѣковѣчить въ себѣ самомъ. Но подобныя движенія души и безъ того не пропадутъ. Когда всѣ разъѣхались и осталось только очень мало самыхъ близкихъ и входящихъ къ К. З., она вошла сперва въ гостиную, сѣла въ уголь, все слушала музыку, которая для нея не переотавала, восхищалась ею, потомъ робко приблизилась къ клавикордамъ, смѣла уже глядѣть на тѣхъ, которые возлѣ нихъ стояли, сѣла на диванъ, говорила тихимъ голосомъ очень мало, изрѣдка улыбалась; иногда облако воспоминаній и ожиданій затмѣвало ея глаза, но она обѣими руками закрывала тогда свое лицо и старалась побѣдить свое чувство. Она всѣхъ просила ей спѣть что-нибудь простодушно, увѣряя, что память этого участія, которое принимаютъ въ ея положеніи, облегчить ей трудный путь въ Сибирь. И до меня очередь дошла. Я пѣть не умѣю, но отказать ей не смѣлъ и кой-какъ проворчалъ ей дуэтъ изъ „Дон-Жуана“. Одному пѣть у меня тогда бы голоса не достало. Она меня благодарила, какъ и всѣхъ; видно, что это не изъ приличія, потому что она не тратила много словъ, но каждое слово было похоже на нее самое, согласовалось съ выраженіемъ ея лица. Для нее велѣла К. З. приготовить ужинъ: ибо становилось уже очень поздно и примѣтно было, что она устала, хотя она сама въ этомъ не сознавалась. Во время ужина она не плакала, не рыдала, но старалась насъ всѣхъ развлечь отъ себя, говоря вообще очень мало, но говоря о предметахъ постороннихъ. Когда встали изъ-за стола, она тотчасъ пошла въ свою комнату. И мы уѣхали уже послѣ 2-хъ часовъ. Я возвратился домой съ душою полною и никогда, мнѣ кажется, не забуду этого вечера.

Въ этой женщинѣ изрѣдка и невольно вырываются слова, означающія досаду. Говорили о концертѣ, данномъ въ пользу Семенова для освобожденія его и сказали, что зачинщики сего благодѣянія претерпѣли нѣкотораго рода неприятности за то. Она тотчасъ съ жаромъ примѣтила: „On a trouvé que c'était trop libéral“.

Примѣчаніе. Этотъ рассказъ записанъ участникомъ вечера, лицомъ довольно близкимъ къ княгинѣ Зинаидѣ Александровнѣ Волконской и, безъ сомнѣнія, подъ живымъ впечатлѣніемъ вечера. Это, вѣроятно, отрывокъ изъ дневника; сохранился онъ въ бумагахъ покойнаго А. В. Веневитинова; писанъ на листѣ бумаги, разорванномъ въ клочки, собранъ и восстановленъ М. А. Веневитиновымъ, которому мы и обязаны этимъ интереснымъ сообщеніемъ. Къ рассказу, согрѣтому чувствомъ и увлеченіемъ, считаемъ не лишнимъ присоединить нѣсколько строкъ кн. Зинаиды Волконской, рожд. княжны Бѣлосельской, посвященныхъ памяти кн. Маріи Волконской, рожденной Раевской.

Ред.

II.

Княгиня Мари Волконской, рожденной Раевской.

(Переводъ съ французскаго. ¹⁾)

„О ты, пришедшая отдохнуть въ моемъ жилищѣ! Ты, которую я знала въ теченіи только трехъ дней и назвала своимъ другомъ! Образъ твой легъ мнѣ на душу. Я вижу тебя заочно: твой высокій станъ встанетъ передо мною, какъ величавая мысль, а граціозныя движенія твои также мелодичны, какъ небесныя звѣзды, по вѣрованію древнихъ. У тебя глаза, волосы, цвѣтъ лица, какъ у дѣвы, рожденной на берегахъ Ганга, и, подобно ей, жизнь твоя запечатлѣна долгомъ и жертвою. Ты молода... а, между тѣмъ, прошедшее твое оторвано отъ настоящаго; день кончился для тебя и наступила мрачная ночь безъ предшественника тихаго вечера. Она пришла, какъ приходитъ зима въ нашемъ климатѣ; еще не остывшая земля покрылась снѣгомъ... Было время, говаривала ты, голосъ твой былъ звучный, но страданія заглушили его... Однако я слышала твое пѣніе: оно не умолено, оно никогда не умоленеть: твои рѣчи, твоя молодость, твой взглядъ, все существо твое издаетъ звуки, которые отзовутся въ будущемъ. Какъ ты вслушивалась въ наши голоса, когда мы пѣли около тебя хоромъ! „Еще, еще, повторяла ты, еще! ни завтра, никогда, не услышу болѣе музыки“... А сегодня ты требуешь отъ меня своей арфы. Прижми ее къ больному сердцу, ударь въ струны ея, и пусть каждый звукъ, каждый акордъ прозвучитъ голосомъ друга. Погрузи себя въ гармонию, упивайся ею; пой, пой, не переставая... Жизнь твоя не есть-ли гимнъ....“

III.

Любопытно сравнить съ приведенными отрывками, рассказомъ и впечатлѣніями очевидцевъ, описаніе того же вечера, 27-го декабря 1826 г., сдѣланное, пятьдесятъ лѣтъ спустя, въ прекрасной поэмѣ „Русскія женщины“. Вотъ что говоритъ въ ней поэтъ устами самой героини поэмы, княгини М. Н. Волконской.

.....
 Я скоро въ Москву прискакала,
 Къ сестрѣ Зинаидѣ. Мила и умна
 Была молодая княгиня,
 Какъ музыку знала! Какъ пѣла она!

¹⁾ Oeuvres choisies de la princesse Zénéide Volkonsky, née princesse Béli-selsky. Paris, 1865, стр. 253—254.

Искусство ей было святыня.
 Она намъ оставила книгу повелѣтъ,
 Исполненныхъ граціи и ѣзной,
 Поэтъ Веневитиновъ стансы ей пѣлъ,
 Влюбленный въ нее безнадежно;
 Въ Италіи годъ Зинаида жила
 И къ намъ—по сказанью поэта —
 «Цвѣтъ южнаго неба въ очахъ принесла».
 Царица московскаго свѣта,
 Она не чуждалась артистовъ,—житье
 Имъ было у Зины въ гостинной;
 Они уважали, любили ее
 И сѣверной звали Коринной....

Поплакали мы. По душѣ ей была
 Рѣшимость моя роковая;
 «Крѣпись, моя бѣдная! Будь весела!
 «Ты мрачная стала такая.
 «Чѣмъ мнѣ эти темныя тучи прогнать?
 «Какъ мы распроснимся съ тобою?
 «А вотъ что! ложись ты до вечера спать,
 «А вечеромъ пиръ я устрою.
 «Не бойся! Все будетъ во вкусѣ твоёмъ,
 «Друзья у меня не повѣсы,
 «Любимыя пѣсни твои мы споемъ,
 «Сыграемъ любимыя пьесы...»
 И вечеромъ вѣсть, что пріѣхала я
 Въ Москвѣ уже многіе знали,
 Въ то время несчастные наши мужья
 Вниманье Москвы занимали....

И сдѣлалась я «героинею дня»,
 Не только артисты, поэты —
 Вся двинулась знатная наша родня;
 Парадныя, дугомъ кареты
 Гремѣли; напудривъ свои парики,
 Потемкину ровни по лѣтамъ,
 Явились бывше тузы-старички,
 Съ отѣнно учтивымъ привѣтомъ;
 Старушки статс-дамы благо двора
 Въ объятія меня заключали;
 «Какое геройство!... Какаядъ пора!...»
 И въ тактъ головами качали.

Ну, словомъ, что было въ Москвѣ повиднѣй,
 Что въ ней мимоѣздомъ гостило,
 Все вечеромъ съѣхалось къ Зинѣ моей:
 Артистовъ тутъ множество было,

Пѣвцовъ итальянцевъ тутъ слышала я,
 Что были тогда знамениты,
 Отца моего сослуживцы, друзья
 Тутъ были, печалью убиты.
 Тутъ были родные ушедшихъ туда,
 Куда я сама торопилась,
 Писателей группа, любимыхъ тогда,
 Со мной дружелюбно простилась:
 Тутъ были Одоевскій, Вяземскій; былъ
 Поэтъ вдохновенный и милый,
 Поклонникъ кузины, что рано почилъ
 Безвременно взятый могилы.

И Пушкинъ тутъ былъ...

Я слушала музыку, грусти полна,
 Я пѣнью жадно внимала;
 Сама я не пѣла,—была я больна,
 Я только другихъ умоляла:
 <Подумайте: я уѣзжаю съ зарей!...
 <О, пойте же, пойте! играйте!...
 <Ни музыки я не услышу такой,
 <Ни пѣсни... Наслушаться дайте!...>

И чудные звуки лились безъ конца!
 Торжественной пѣсней прощальной
 Окончился вечеръ—не помню лица
 Безъ грусти, безъ думы печальной!
 Черты неподвижныхъ, суровыхъ старухъ,
 Утратили холодъ надменной,
 И взоръ, что казалось на вѣки потухъ,
 Свѣтятся слезой умиленной...
 Артисты старались себя превзойти,
 Не знаю я пѣсни прелестнѣй
 Той пѣсни—молитвы о добромъ пути,
 Той благословляющей пѣсни...
 О, какъ вдохновенно играли они!
 Какъ пѣли!... и плакали сами....
 И каждый сказалъ мнѣ: «Господь васъ храни!»
 Прощаясь со мной со слезами....

(Стихотворенія Н. А. Некрасова, Спб., 1873 г., т. III, часть V, гл. IV, стр. 313—316 и 323—324).

Пожаръ балагана Лемана въ Петербургѣ въ 1836 г.

Въ 1836 году, въ воскресенье, 2-го февраля, на сырной недѣлѣ, во время представленія, загорѣлся балаганъ Лемана, выстроенный на Адмиралтейской площади. Такъ какъ въ прежнее время сараи для помѣщенія командироваемыхъ на народныя гулянія пожарныхъ трубъ не было, то, пока дали знать, пока пожарные пріѣхали, балаганъ весь уже былъ въ пламени, причемъ сгорѣло нѣсколько человѣкъ дѣтей и много взрослых.¹⁾

Этому несчастному обстоятельству много способствовало то, что нѣкоторыя двери въ балаганѣ отворялись внутрь; народъ въ испугѣ, ища спасенія, бросился густою массою на двери и приперъ ихъ совершенно такъ, что къ выходу не было никакихъ средствъ. Многие задохлись отъ дыма и ѣдваго смрада, происшедшаго отъ горѣвшаго войлока, которымъ низъ балагана былъ обитъ.

Было въ началѣ пятаго часа пополудни. Только что занавѣсъ поднялся, старшій сынъ Лемана, игравшій въ даваемой арлекинадѣ роль „Пiero“ перебѣжалъ по сценѣ съ крикомъ: „пожаръ! пожаръ!“ но народъ, привыкшій встрѣчать всякое его появленіе на сценѣ смѣхомъ, и въ этотъ разъ разразился громкимъ хохотомъ, пока на сценѣ не показалось пламя.

При бывшемъ въ тотъ день сильномъ вѣтрѣ, пламя въ одинъ мигъ обхватило весь балаганъ: крыша рухнула и покрыла толпу горящими головнями.

Минута была ужасная.... Стоны, плачь и раздирательные крики отчаянія оглашали всю площадь..... народъ горѣлъ безъ всякой надежды на спасеніе.

Наконецъ прибыла пожарная команда, топорами начали прорубать стѣны и уцѣлѣвшіе отъ смерти люди хлынули въ безпамятствѣ на площадь. Прибѣжали солдаты л.-г. Преображенскаго, Конно-гвардейскаго и л.-г. Павловскаго полковъ; прибылъ комендантъ, но было поздно!... Изъ-подъ груды горящихъ бревенъ и досокъ рабочіе воинскихъ командъ стали вытаскивать обгорѣлыя тѣла, бывшихъ въ ба-

¹⁾ Изъ 400 человѣкъ, бывшихъ въ балаганѣ, обгорѣлыхъ труповъ, было найдено: 121 мужчинъ и 5 женщинъ, всего 126 человѣкъ; да кромѣ того, сильно ушибленныхъ, но подающихъ надежды къ выздоровленію было 10. О погибшихъ дѣтяхъ официальныя вѣдомости умалчиваютъ. «Сѣверная Пчела» 1836 года, 4-го февраля, № 28.

лаганѣ, которыя отличались отъ черныхъ бревенъ только однимъ особеннымъ ѣдкимъ запахомъ, исходящимъ отъ дымящихся труповъ.

На другой день появились на улицахъ прибитыя къ фонарнымъ столбамъ отъ полиціи объявленія, въ которыхъ было сказано: „что всѣ тѣ, къ которымъ въ прошлую ночь—родные и знакомые домой не вернулись—приглашаются для отысканія ихъ труповъ въ Адмиралтейство, въ особенное помѣщеніе, и въ Обуховскую больницу, въ лѣтніе бараки, гдѣ тѣла сгорѣвшихъ отыскать можно“. Это извѣстіе грустно отозвалось въ сердцахъ жителей столицы, къ которымъ близкіе ихъ чувствамъ въ тотъ день домой не пришли. Всякій могъ полагать, что кто не возвратился домой, тотъ былъ въ балаганѣ и попалъ въ эту несчастную катастрофу. Но былъ случай, кончившійся довольно комично и послужившій въ то время предметомъ къ смѣшнымъ городскимъ разсказамъ.

Жена одного молодого купчика, не дождавшись въ день пожара возвращенія своего мужа и полагая, не пошелъ-ли онъ въ этотъ злополучный часъ въ балаганъ Лемана, на другой день отправилась его отыскивать въ числѣ сгорѣвшихъ въ Адмиралтействѣ.

Осматривая многія тѣла, похожія болѣе на обгорѣвшія колоды, она наконецъ у одного трупа остановилась. По уцѣлѣвшей на бѣлѣ мѣткѣ (другіе говорили, по золотому кольцу), признала она трупъ за своего мужа, уложила при себѣ въ гробъ и распорядилась объ отправкѣ его къ себѣ на квартиру.

На другой день собрались родные и знакомые, начали служить панихиду, но каково было удивленіе присутствующихъ, когда мужъ здоровехонькій вбѣжалъ въ комнату и бросился въ объятія своей супруги. Сцена въ мигъ перемѣнилась: печальная церемонія прервана, неизвѣстный покойникъ вынесенъ и сданъ въ распоряженіе полиціи... Горе превратилось въ общую радость, кончившуюся веселымъ обѣдомъ и тостами за здравіе и многолѣтіе молодыхъ супруговъ.

Оказалось, что молодой купчикъ, пользуясь праздничными днями, отправился въ веселой компаніи на тройкахъ въ Царское Село, гдѣ двое сутокъ пробылъ, не сказавъ своей женѣ заблаговременно о своей поѣздкѣ и тѣмъ надѣлалъ столько хлопотъ домашнимъ.

Сообщ. И. Р. Фок-дер-Ховекъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА

Новости, объявления и распоряжения правительства.

1798 г. 1)

— Суздальскому мѣщанину Кутыжигину, проектомъ своимъ въ открытїи Американскаго края въ пользу отечества, купцу Голикову спомоществовавшему, но по договору съ нимъ, Голиковымъ и прочей компанїи не удовольствованному и просящему за то монаршаго награжденїя, предоставляется самому искать своего права, на комъ слѣдуетъ, судомъ. (Сиб. Вѣдом., 1798 года, № 24).

— Штурману Смирнову, описывающему службу свою и во время шведской войны отличные подвиги, просящему воздаянїя за оныя, отказывается по причинѣ той, что, всѣ въ то время подвизавшіеся, награждены, то и онъ, въ числѣ прочихъ, либо получилъ уже награжденїе, или не заслуживалъ онаго. (Тамъ же).

— Суконному фабриканту—Цопфу, просившему объ опредѣленїи его главнымъ мастеромъ къ какой-либо суконной фабрицѣ, или о помощи на заведенїе таковой въ Гатчинѣ или Павловскѣ, предоставляется искать себѣ пособїя въ искусствѣ своемъ. (Тамъ же).

— Отставному полковнику Баумгартену, просящему за службу его пенсіона, отказывается съ замѣчанїемъ, что если-бъ онъ не поспѣшилъ оставить службу, то, допедъ до генерал-маюрскаго ранга, могъ бы нынѣ имѣть команду и мѣсто. (Тамъ же).

— Медицинской коллегїи актуаріусу Карандашеву, просившему за переводъ имъ горнаго уложенїя, сочиненнаго г. Канкринымъ, девяти листовъ по 20-ти р. за каждой, отказывается, по увѣдомленїи г. генерал-маюра Донаурова, что трудившимся въ оныхъ переводахъ прежде за 9 частей, а потомъ въ 791 г. и за послѣднюю десятую, по особымъ именнымъ указамъ, выдачи были изъ кабинета, въ томъ числѣ и ему, Карандашеву, выдано 360 р.

— Отставному полковнику гр. де-Мендоза - Ботелла, просившему, между прочимъ, о пожалованїи ему на покупку небольшой деревни 10 тысячъ рублей, и кормилицѣ его им-го высочества вел. кн. Константина Павловича, просившей о награжденїи мужа ея, оставленнаго отъ двора камер-лакея, въ сравненїе съ сверстниками гоф-фурверскимъ чїномъ съ пенсіономъ по сему званїю,—прошенїя возвращены съ надранїемъ и за пересылку по почтѣ къ отлучнымъ со взысканїемъ вѣсовыхъ денегъ. (Тамъ же).

— Продаются: ода государю им-ру Павлу Петровичу на всероссійскїй престолъ восшествїя, сочиненная Степаномъ Руссовымъ, въ пер. 1 руб. Похожденїя Оронока—князя африканскаго, съ гравированными картинами, въ 2-хъ частяхъ, 1 р. 20 к. Гирумъ Гарумъ, сатпра, комическїй оригинальный романъ, въ пер. 1 р. 20 к. (Тамъ же).

1) См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., томъ XI, стр. 187—190; 589—590 754—788; изд. 1875 г., томъ XII, стр. 231—236; 451—452; 663—664.